

SAVCHENKO Irina Aleksandrovna, Dr.Sci.(Soc.), Professor of the Chair of Philosophy, Sociology and Theory of Social Communication, Dobroljubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod (31a Minina St, Nizhny Novgorod, Russia, 603155), Professor of the Chair of Philosophy, Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (3 Ankudinovskoye Dr, Nizhny Novgorod, Russia, 603144; teosmaco@rambler.ru)

USTINKIN Sergei Vasil'evich, Dr.Sci.(Hist.), Dean of the Faculty of International Relations, Economics and Management, Professor of the Chair of International Relations and Political Science, Dobroljubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod (31a Minina St, Nizhny Novgorod, Russia, 603155; sv.ustinkin@gmail.com)

AGEEVA Nina Aleksandrovna, Cand.Sci.(Econ.), Associate Professor of the Chair of World Economy, National Research Irkutsk State Technical University (83 Lermontova St, Irkutsk, Russia, 664074; niag@inbox.ru)

EXPANSION OF CAPITALISM AND CULTURAL VIOLENCE IN WEBERIAN INTERPRETATIONS

Abstract. *The paper studies sociological views on interaction between tradition and the present, on violent modernization and implementation of capitalism accepted in the doctrines of M. Weber and some of his followers. The correlation of Weber's ideas and postulates of Marxism and industrial constructivism is established. The authors conclude that Weber's, Marxist and constructivist views on capitalism expansion and cultural violence have much in common, and that M. Weber's concept of conventional connubium as a special form of interethnic unity, having been rather new in the first third of the 20th century, nevertheless, is very far from the idea of socio-cultural integration.*

Keywords: *Weberian sociological theory, evolutionism, Marxism, constructivism, modernization, cultural violence, capitalism expansion, dependent development, tradition, present, conventional connubium*

АЛИБЕГИЛОВ Шамиль Абдулаевич – старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; shamuel-7.40@mail.ru)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматривается структура понятия политической идентичности. Россия, обладая спектром коллективных идентичностей, формирует цивилизационную идентичность как политическую. Автор предлагает определение политической идентичности и рассматривает проблему политического единства РФ сквозь эту призму.*

Ключевые слова: *политическая идентичность, цивилизационная идентичность, национальная идентичность, российская цивилизация, политика идентичности*

С XIX в. российская государственность связана с проблемой характера государственного единства, получившей свое выражение в национальном вопросе. XXI в. не привел к радикальному изменению проблемы. Национальная проблематика, доставшаяся нам в наследство, задает и соответствующий дискурс, в котором предпринимаются попытки решения политических проблем. В то же время глобальные изменения во всем мире выявили фундаментальные различия, лежащие в основании существующей политической идентичности. Глобализация

ставит под сомнение значение национальных государств. Сегодня в политической борьбе ставится вопрос о моделях и лидерстве в процессах глобализации. В этом контексте в мире обнаруживаются глубинные политические размежевания, формирующие реальные цивилизационные различия. Интеграционные процессы в Европе, демонстрация единства политики англосаксонского мира, конфликты на Ближнем Востоке указывают на реальность цивилизационных особенностей, определяющих линию поведения значимых субъектов политики. В этом контексте Россия начинает позиционировать себя как цивилизацию. Президент России В.В. Путин в выступлении на заседании клуба «Валдай» обозначил основной тренд: «Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивая многообразие в единстве»¹.

Устойчивость политических образований опирается на такую их характеристику, как политическая идентичность. Вместе с тем представление о политической идентичности как национальной государственной идентичности не решает вопрос о цивилизационной идентичности России. Целеполагание государственной политики, сопряженное с развитием России-цивилизации, должно сопровождаться комплексом методологического инструментария, способного наметить пути выхода из существующих противоречий. В чем же состоит политическая идентичность, какими обладает признаками и характеристиками?

В рамках психологических и социологических исследований политическая идентичность может быть рассмотрена как вариант индивидуальной идентичности, отражающей избирательные предпочтения индивидов, их партийные и идеологические установки. Эмпирический характер исследований, посвященных этой теме (В. Ядов, С. Климова, В. Брушлинский, В. Пантин), показывает соотношение индивида с определенной политической характеристикой [Попова 2011: 24].

Политологическое исследование относит политическую идентичность к формам коллективной идентичности, поскольку она не соотносима с индивидуальным опытом, но служит его условием и предпосылкой. Коллективная идентичность организует систему представлений, мифов, символов в единую картину, в рамках которой возможна интерпретация отдельных фактов.

Содержательный анализ становления теории политической идентичности в зарубежной и отечественной литературе был проделан в работах О.В. Поповой. Под политической идентичностью она понимает гармоническое сочетание трех уровней идентичности: этнической, национальной, европейской. Автор обращает внимание на связь исследований политической идентичности зарубежных авторов (П. Бурдые, Ю. Хабермас, С. Хантингтон) с проблемой миграционных процессов и формированием Европейского союза [Попова 2011]. В отечественной литературе (Г. Дилигенский, В. Гельман, Б. Орлов, Р. Туровский, О. Малинова), несмотря на то что основной массив исследований касается социально-психологических подходов в интерпретации политической идентичности, существуют и работы, в основу которых положено представление о коллективной идентичности. Это касается тем, связанных с региональной, этнической, национальной, цивилизационной идентичностью в связи с проблемой определения места России в современном мире.

В обобщающем труде российских исследователей «Политическая идентичность и политика идентичности» подчеркивается, что «исследование опирается на расширительную трактовку политической идентичности как проекции

¹ Путин В.В. Выступление на заседании Клуба «Валдай». – *Российская газета*. 19.09.2013.

национально-цивилизационных, этнонациональных, религиозных и конфессиональных, территориальных, возрастных, гендерных, культурных и иных составляющих социальной идентичности в политическую сферу» [Политическая идентичность... 2012: 8]. Продолжая работу авторов, Л.В. Сморгунов указывает на две традиции в понимании политической сферы. Первая традиция развивается в русле идей К. Шмитта, противопоставляющего друзей и врагов в истоках политического. Вторая традиция восходит к Х. Арендт, связывающей политическое с творением истории человечества и развитием свободы [Сморгунов 2012: 183]. Следовательно, предложенная трактовка политической идентичности опирается на традицию К. Шмитта. Исходя из его концепции, политическая идентичность не существует наряду с другими типами идентичности. Напротив, рассмотренные типы идентичности могут при определенных условиях стать политическими.

С учетом ценных моментов уже существующих определений и интерпретаций политической идентичности предлагается авторская трактовка политической идентичности.

Итак, *политическая идентичность* — это модус одной из форм коллективной идентичности в рамках которой 1) актуализируется интерес к ее реформативности, связанный с угрозой кризиса идентичности; 2) оформляется устойчивое отношение к «другому» в высоких степенях интенсивности различий «свои — чужие», «друзья — враги»; 3) формируется властное единство общности, направленное на установку и реализацию целей (политика идентичности).

Коллективная общность может обладать одной, несколькими или всеми типами идентичности — этнической, народной, национальной, цивилизационной, но только одна идентичность в ней выступает в качестве доминирующей и приобретает статус политической идентичности.

Таким образом, политическая идентичность коллективного субъекта определяется тремя характеристиками. Рассмотрим их последовательно.

Первая характеристика идентичности коллективного субъекта касается проблематизации его самоопределения. Коллективная идентичность становится политической, когда возникает необходимость в ее изменении, воспроизведении, защите. Возникновение интереса к этой теме, интереса как такового, свидетельствует о нетождественности субъекта самому себе, кризисе идентичности. Кризис идентичности не только разрушает ее, но является условием динамики субъекта, когда его представления о самом себе выходят за рамки данности. «Наличие у социальных структур своих интересов говорит о нетождественности их с самими собой. Иметь национальный интерес — это значит полагать и снимать границу своего существования» [Волков 2011: 248-249]. Л.Н. Гумилев связывал это неотъемлемое свойство этноса с его пассионарностью. Из этого следует сделать вывод, что политическая идентичность представляет собой не только данность, но и заданность, обусловленную возможностью развития идентичности. Идентичность может не только разрушаться, но и развиваться.

Проблема самоизменения идентичности отсылает нас к вопросу о ее происхождении, «истинной» основе идентичности.

Формы коллективной идентичности общности со стороны их происхождения рассматриваются с нескольких точек зрения. Исторически первый подход рассмотрел американский социолог Эдвард Шилз (1910–1995), определив его как примордиализм (от лат. *primordialis* — изначальный) [Дугин 2011: 50]. Смысл примордиализма заключается в том, что признаки, отличающие ту или иную общность, рассматриваются как их неотъемлемое свойство, обусловленное общим родственным происхождением. Эта общность выражается в вере в общих предков, единстве обрядов и языка. В рамках примордиализма нация или народ могут

искать свое этническое основание как свою «истинную» природу. Сохранение обрядов, замкнутость циклов жизни, обычаев, ограждение от опасности, статичность этноса являются целью огромных усилий, работы вождей, жрецов, патриархов.

Примордиализму методологически противостоит конструктивизм (от лат. *constructi*, – искусственно созданное). Конструктивисты утверждают, что все общности являются продуктом деятельности политических элит, решающих насущные стратегические проблемы. Наиболее яркими представителями конструктивистского подхода являются Эрнест Геллнер (1925–1995), Бенедикт Андерсон и Эрик Хобсбаум (1917–2012) [Дугин 2011: 63].

Конструктивисты делают акцент на изучении современных наций и приходят к выводу о неорганичности последних. Рациональность и мистификация являются составляющими конструирования современных наций, которые представляют собой «воображаемые сообщества». Б. Андерсон определяет нацию как «воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [Андерсон 2001: 20]. В рамках конструктивизма истинная идентичность коллективной общности лежит в плоскости адекватности конструкции тем задачам, которые стоят перед политической элитой. Политическая идентичность общества заключается в правильном понимании этих задач.

Третий подход получил название инструментализма (от лат. *instrumentum*) и является разновидностью конструктивизма. Инструментализм возник и получил распространение в США (Филипп Янг, Натан Глейзер, Даниэл Монихэн) [Дугин 2011: 66]. В рамках этого направления исследователи пытаются объяснить тот факт, что, несмотря на развитие общества, наличие народов и наций, утверждающегося гражданского общества, этносы могут играть значительную и ведущую роль в общественной жизни. Инструментализм исследует этнические общества, проявляемые как анклав в современных сложно дифференцированных обществах. «Этнос в сложном обществе может проявлять себя в форме этнического лоббизма, этнической преступности, создания этнических сетей, помогающих своим членам продвинуться по социальной лестнице преимущественно на основании их этнической принадлежности и даже использования этнических мотивов в политических кампаниях» [Дугин 2011: 78]. Ярким подтверждением такой позиции служат примеры возрождения и активизации этносов в ситуации политических кризисов, связанных с распадом Советского Союза, кризисом в странах Ближнего Востока, миграционного кризиса в Европе. Инструментализм рассматривает экспликацию этносов как инструмент для достижения самых различных целей и является враждебным к этническим формам идентичности как препятствию в развитии гражданского общества рациональных индивидуумов.

Таким образом, в первом измерении коллективная общность в зависимости от соотношения внутренних сил может начать определять себя в различных вариациях примордиалистских или конструктивистских подходов, приобретая тем самым первый, но не исчерпывающий уровень политической идентичности. Эта общность может интерпретировать себя в векторе времени, направленном в прошлое, в древность (националисты), либо в векторе времени, направленном в будущее, формируемое актуальным настоящим (революционеры). Очевидно, что поиск политической идентичности Россия может осуществлять на пути конструирования идентичности нации или цивилизации, причем национальная идентичность содержит в себе неразрешимые противоречия мультикультурализма.

Второе измерение политической идентичности общности, определяемое через

противопоставление «свои — чужие», «друзья — враги», позиционирует общность в отношениях к «другим». Оно зависит от определенности первого измерения.

Так, например, если общность определяет себя как этнос, а не как народ, нацию, цивилизацию, то и определяющим отношением будет отношение с другими этносами, и степень интенсивности этого отношения будет иметь свои особенности. Для этноса весь мир входит в мир этноса, поэтому столкновения с другими этносами воспринимаются как продолжение основного рода деятельности. Конфликтные столкновения имеют формы охоты или обмена. Выделение в этносе дружины, боевой группы, тайных орденов для войны означает фазу определения «чужого» как «зла» для существования этноса. Политическая идентичность этноса в процессе этногенеза формируется на противопоставлении «своих» и «чужих».

Коллективные общности — народ, нация, цивилизация — существуют в рамках такого сформировавшегося института, как государство, и поэтому можно обобщенно рассматривать второе измерение политической идентичности в формах государственности. Именно государство опирается на одну из этих идентичностей как доминирующую и через нее обретает политическую идентичность. Цивилизации могут совпадать с государством, а могут представлять союз государств как реальность или проект.

Народ, нация, цивилизация существуют в окружении подобных образований и уже в силу этого вынуждены определять своих друзей и врагов.

Народы, сталкивающиеся с государствами-нациями и цивилизациями, не всегда адекватно воспринимают более сложные идентичности. Цивилизации и нации, с другой стороны, оценивают проявления народного духа как всплески неоправданной архаизации национального самосознания. Такие диалектические переплетения часто мистифицируют реальные политические идентичности, делая отдельные политические субъекты жертвами политической борьбы. Ярким примером такой политической аберрации являются саморазрушительные усилия Украины или Турции обрести европейскую цивилизационную идентичность. Россия сопрягает в себе целый комплекс измерений идентичности, которые нельзя интерпретировать односторонне. Россия не может быть только русской, славянской, поскольку многие народы составляют измерение российского народа. Для государства, основу которого составляет «многонациональный народ», крайне опасно культивирование национальной идентичности как политической. Выходом из этой ситуации может быть формирование цивилизационной политической идентичности в определении российской евразийской цивилизации в противовес европейской.

Таким образом, в рамках второго измерения коллективная общность противопоставляет себя в определении друзей и врагов другим коллективным общностям либо как этнос, либо как народ, либо как нация, либо как цивилизация в качестве доминирующей идентичности и тем самым приобретает политическую идентичность.

Третьим измерением политической идентичности является необходимость наличия политики идентичности. Первое измерение проблематизирует наличную идентичность, второе измерение противопоставляет ее другим политическим единствам в борьбе с ними, третье измерение создает единство ценностей и целей для успешного сохранения и развития политической идентичности. Политика идентичности направлена прежде всего на определение и реализацию целей и ценностей. Россия во всем многообразии культур и народов должна быть понята как евразийская цивилизация. Это политическая функция. Ее должны осуществлять, прежде всего, избранники народа — парламент в содержательном обсуждении с самим народом в лице самого широкого экспертного сообщества.

Политика идентичности выявляется в результате прояснения политических позиций, противоречий и возможных угроз.

Таким образом, политическая идентичность Российской Федерации может стать эффективной только как цивилизационная политическая идентичность в контексте концептуализации понятия политической идентичности как единства ее трех измерений, не сводимых к отождествлению с государственной и национальной идентичностью.

Список литературы

Андерсон Б. 2001. *Воображаемые сообщества*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле. 288 с.

Волков В.А. 2011. *В поисках свободы: очерки истории политической философии*. СПб: Изд-во СЗАГС. 256 с.

Дугин А.Г. 2011. *Этносоциология*. М.: Академический Проект. 634 с.

Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 т. Т. 2. *Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке* (отв. ред. И.С. Семененко). 2012. М.: РОССПЭН. 471 с.

Попова О.В. 2011. Развитие теории политической идентичности в отечественной и зарубежной политологии. — *Идентичность как предмет политического анализа*. М.: ИМЭМО РАН. С. 13-28.

Сморгунов Л.В. 2012. Политическая идентичность и понятие политического. — *Полис*. № 6. С. 178-185.

ALIBEGILOV Shamil Abdulaevich, Senior Lecturer, Saint-Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Emb, St. Petersburg, Russia, 119034; shamuel-7.40@mail.ru)

THE CONCEPT OF POLITICAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S CIVILIZATION IDENTITY

Abstract. The article discusses the structure of the concept of political identity. It shows that Russia, with its range of collective identities, forms its civilizational identity as political one. The author proposes a definition of political identity and discusses the political unity of the Russian Federation through this prism.

Keywords: political identity, civilizational identity, national identity, Russian civilization, identity politics

---